

кладбищенская схема на эти захоронения отсутствует. Неизвестен даже примерный район их погребения, в фондах РГВА обнаружено лишь краткое упоминание о том, что это место находилось где-то на территории лесопитомника. Обращение к материалам архивов областных управлений МВД и ФСБ с целью уточнения этого факта не принесло положительных результатов. Поэтому дальнейшая работа по выявлению мест захоронения военнослужащих германской и итальянской армий на территории Тюмени еще впереди.

И.В. Нарский
Челябинск

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА 1917 – 1922 ГГ.)*

Пространственное оформление жизни обществ является одним из аспектов социального конструирования действительности⁵⁵³ и значимым воплощением культурно-ментальных процессов, представлений исторических актеров о себе, о культурно близком и чужом, о прошлом, настоящем и будущем. Ниже речь пойдет о пространстве как поле, ресурсе и системе координат социальной практики. Проблематика ограничена тремя сферами социальной практики в годы русской революции – политической, повседневным физическим выживанием, приданием смысла происходившему современниками. В связи с этим будут эскизно очерчены, соответственно, темы реорганизации, во-первых, политико-административного, во-вторых, бытового и, в-третьих, культурно-символьного пространства. Этим определяется структура дальнейшего изложения.

Российская революция 1917 г. стала “локомотивом” и воплощением цивилизационного крушения страны. “Всего за несколько месяцев Россия политически регрессировала до уровня раннего средневековья, когда она состояла из удельных княжеств”⁵⁵⁴. В июне 1918 г. на территории бывшей империи существовало не менее 30 “правительств”⁵⁵⁵. О том, насколько крупные размеры приобрел территориальный развал государства, косвенно свидетельствует введение в Конституцию РСФСР 1918 г. статьи о том, что “звание народного комиссара принадлежит исключительно членам Советов Народных Комиссаров, ведающим общими делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и никаким иным представителям Советской власти, как в центре, так и на местах присвоено быть не может” (гл. 8, ст. 48).

Территориальный распад страны болезненно коснулся и Урала. Сравнение его территориальных карт 1917 и 1922 г. свидетельствует, что внешние и внутренние границы региона изменились до неузнаваемости: Уральская область утратила свои западные и южные территории за счет большей части бывших Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний и получила гигантские приращения вследствие приобретения западно-сибирской Тюменской губернии. На карте 1922 г. имеются, кроме того, новые губернские центры – Екатеринбург и Челябинск. За счет перераспределения уездов и выделения новых губерний и национальных областей радикально сдвинулись границы прежних губерний.

Какие явления стали “ферментами” территориального разложения? Что стояло за экспериментами по перекройке уральской карты?

С распадом территории страны был неразрывно связан причудливый ансамбль обстоятельств, ускользающих от жесткого конструирования причинно-следственных связей. Беспрецедентное ослабление центральной власти и стремление национальных территорий к самоопределению, региональный сепаратизм и гражданская война, переросшая в 1920 г. в грандиозное крестьянское вооруженное возмущение; сельский

⁵⁵³ См.: П. Бергер, Т. Лукман Социальное конструирование реальности. М., 1995.

⁵⁵⁴ Р. Пайпс. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 186.

⁵⁵⁵ Там же. С. 187.

изоляциялизм и, не в последнюю очередь, основной принцип советской власти, который позволял концентрировать в руках каждого Совета любого уровня, от областного до сельского, всю полноту властных полномочий и претендовать на независимость от Москвы – все это содействовало разрыву связей между территориями.

На обстоятельства политического свойства накладывалась хозяйственная дезорганизация – падение промышленного производства и сокращение посевных площадей, разрушение транспортной сети и распад вольного рынка продукции массового спроса, галопирующая инфляция и появление региональных “валют”. Многие свидетельствуют о том, что в территориально-административных экспериментах преобладали культурные диспозиции, революционный энтузиазм и жажда перемен, не подкрепленные материальными возможностями, политическим резонансом и четкой перспективой действий. Эффективность управления территориями с помощью таких переделов не достигалась.

В целом, 1917 – 1922 гг. прошли в обстановке неопределенной перспективы, неясной расстановки политических сил и невыраженных линий противостояния. Политическим содержанием этого периода на периферии бывшей империи было многовластие бесчисленных государственных, квазигосударственных, общественных и партийных органов, учреждений и организаций, бестолковая конкуренция которых на деле означала безвластие, паралич управления и контроля над происходящим. Внутренняя логика и железные закономерности, приписанные позднее историками революционному процессу, при ближайшем рассмотрении ситуации не обнаруживаются.

Население, страдая от всеобщего распада, ненадежности настоящего и неопределенности будущего, после короткой фазы эйфории начинало с глухой ненавистью или открытым возмущением взирать на хаос и произвол любого режима, готовое с радостью, хлебом-солью встретить освободителей от этого кошмара, кем бы они ни были. Этот замкнутый круг был разорван голодной трагедией 1921 – 1922 гг., сломившей сопротивление населения. Начался трудный выход из революционной катастрофы, отразившийся, помимо прочего, в реорганизации и относительной стабилизации административного ландшафта.

Разрушение пространства в российской революции наблюдается не только в макромасштабе страны и отдельных регионов, но и на микроуровне быта, особенно городского. Это явление, прозванное современниками тех трагических лет “разрухой”, было обусловлено взрывоопасной смесью разноплановых факторов⁵⁵⁶. Политические потрясения в стране спровоцировали сложную и неуправляемую цепную реакцию, повлияв – и прямо, и опосредованно, – на крушение быта. Революция привела к невиданному сокращению материальных и организационных возможностей власти. Перед лицом “великих” событий излишними мелочами стали казаться внесение общегосударственных и местных налогов, чистка улиц и выгребных ям, выделение средств на ремонт тротуаров и водопровода, поддержание ассенизационного дела, больниц, школ и приютов.

В условиях невиданного ослабления государственного контроля у вчерашних подданных российской короны голова пошла кругом: открылись небывалые возможности для безнаказанного разбазаривания и растаскивания казенных и частных средств. Заботившиеся о минимуме бытовой благоустроенности муниципальные службы оказались в положении “пасынков” государственной машины, а затем стали жертвами гонений на “пережитки прошлого”. Гражданская война и многократная смена власти, волны беженцев и переселенцев, “военно-коммунистические” преследования рыночных отношений и голодная катастрофа первого года НЭПа – все это ставило обитание г.

⁵⁵⁶ Подробнее о “разрухе” на Урале в культурном измерении см.: И. В. Нарский. Канализация хаоса и хаос в канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917 – 1922 гг. // Человек и война (Война как явление культуры). Сб. статей. М., 2001. С. 238 – 265.

молодой Российской Республике на грань невозможного и превращало повседневную жизнь в школу равнодушия к бытовому комфорту.

Проходившие в стране процессы “варваризации” быта шли в направлении, прямо противоположном описанному Н. Элиасом “процессу цивилизации”⁵⁵⁷. Уплотнение городского населения за счет миграции не усложняло, а упрощало социальные ожидания и поведение исторических актеров, большинство которых рассматривало революцию как временную помеху “нормальной” жизни. Как свидетельствуют источники личного происхождения, “выжить” и “переждать” в чужой и недружелюбной среде становились для заповнивших города пришельцев – военных, беженцев, крестьян – ключевыми задачами.

На Урале, на несколько лет ставшем одним из важных перекрестков движения армий, городских беженцев и крестьянской колонизации городских центров, горожане испытывали нарастающие неудобства. Распались никем не ремонтируемые дощатые тротуары. Перестали чиститься улицы. Летом жители городов изнемогали от зноя и пыли на дорогах, которые больше не поливались, и от зловония, распространяемого базарами и общественными уборными, пребывавшими в состоянии антисанитарии⁵⁵⁸. В сентябре 1920 г. в официальном органе Уфимского губкома РКП(б) рисовался неприглядный вид улиц Уфы: «Наши улицы превращены в форменные помойные или выгребные ямы. Обыватели уфимских домов разучились, пожалуй, даже ходить так называемыми черными ходами. Выметенный ли сор, слитые ли помои, выеденную от яйца скорлупу и тому подобные лоскутки и обьедки они смело и безнаказанно выносят в парадные двери и выливают в соседнюю с тротуаром канаву, рассчитывая на бесплатное санитарное действие дождевой воды. Даже еще проще бывает, сплошь да рядом все это просто летит из окна, попадая подчас прямо на головы проходящих.

В результате вышеизложенного уличные канавы до того изгажены и загружены без всякой периодической чистки, что мостики совершенно закупорились и бурлящей дождевой воде приходится размывать без того разбитые тротуары. Особенно это выявляется на улице Чернышевской. На этой улице вместо прежних водосточных канав и мостиков – следы свиного постоа. Ко всему этому необходимо еще прибавить целое кладбище собачьих, кошачьих да крысиных трупов – и вот вам полная картина санитарного состояния нашего города»⁵⁵⁹.

Зимой зловонные кучи превращались в ледяные горы, передвигаясь по которым, уфимские обыватели рисковали переломать себе кости: «Хождение по тротуарам даже центральных улиц нашего города, не только ночью, но и днем даже становится небезопасным. После снежных метелей образовавшиеся большие заставы в некоторых улицах совершенно закрыли проходы. Укатавшиеся, а местами обледенелые мостовые с глубокими ухабами и высокими снеговыми бутрами не только не очищаются, а даже не посыпаются песком или золой»⁵⁶⁰.

Бытовая “разруха” обезобразила не только внешний облик городов. Запустением был отмечен интерьер жилых помещений, быстро пришедший в непригодное для обитания состояние из-за несовершенства систем канализации, водоснабжения и отопления. В феврале 1919 г. акт осмотра полуподвального помещения дома № 18 на Орловской улице Вятки содержал следующую информацию: “Пол сеней и коридора при кв. 3 и 4 полуподвального помещения названного дома покрыт толстым слоем замерзшей жидкости, по-видимому, сточного характера; ватерклозетом пользоваться совершенно нельзя – дверь его крепко вмерзла в замерзшую сточную жидкость пола сеней и не открывается; дверь, ведущая из сеней в специально устроенное, рядом с ватерклозетом,

⁵⁵⁷ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб, 2001.

⁵⁵⁸ Известия (Пермь). 1918. 26 июня.

⁵⁵⁹ Известия (Уфа). 1920. 11 сент.

⁵⁶⁰ Там же. 1921. 6 марта.

помещение с водопроводным краном и раковиной, также вмерзла в пол и полуоткрыта: пользоваться водопроводом нельзя, так как пол здесь также покрыт толстым слоем льда, раковина переполнена замерзшей водой, спускающейся целой горой льда до самого пола. В кухне квартиры № 3 штукатурка потолка вся почти сырая и вода капает на пол, где ее скопилось вершка на 2, – приходится ходить по проложенным доскам⁵⁶¹. По затоплению жильцов полуподвала, экскрементный “потоп” продолжался уже несколько месяцев – жидкость не только заливала жилое помещение из стульчака, но и просачивалась из-под пола, вследствие чего пол туалета, коридора и сеней до наступления холодов утопал в сточных водах.

Быт обитателей уральских городов и многих поселков все более приближался к походным условиям и заставлял их вырабатывать соответствующие навыки. Нужно было научиться самим добывать топливо, не обращать внимания на холод и неприятные запахи, спать в одежде, передвигаться по доскам, настеленным по покрытому зловонными лужами или льдом полу, привыкнуть к тесноте, отсутствию освещения и теплых туалетов.

Жизнь в холодных, грязных, перенаселенных жилищах лишила горожан приватных, закрытых, надежных уголков частного бытового уюта, в которых можно было бы спрятаться от социальной непогоды и чувствовать себя защищенными от внешних опасностей. Бытовая “разруха” рождала коллективизм поневоле.

При знакомстве с повседневной жизнью населения в годы революции, гражданской войны и “военного коммунизма” поражает обилие праздников, диссонирующее с жалкими материальными условиями существования. Весна 1917 г. прошла в России, в том числе и на Урале, под знаком помпезных “праздников революции”, обязательный церемониал которых включал митинги и демонстрации, военные парады и посещение кладбищ с целью почтить память “борцов за свободу”.

В следующем году были организованы первые торжества по поводу годовщины Февральской и Октябрьской революций. Гражданская война, вопреки трагизму ситуации, сопровождалась учащением праздничных церемоний. “Белая” пресса не без доли зависти отмечала, что “красные”, кроме репрессий и печати, в идеологических целях использовали шествия и демонстрации, эксплуатируя любой повод – будь то смерть К.Либкнехта и Р.Люксембург, годовщина Красной армии, похороны красноармейцев, переименование улиц⁵⁶². Впрочем, и “белая” сторона активно пользовалась праздником как пропагандистским инструментом: торжественно отмечались годовщины Февральской революции и антибольшевистского выступления в Поволжье, на Урале и в Сибири весной 1918 г. чехословацких легионеров, в публичные церемонии превращались полковые праздники и похороны солдат и офицеров колчаковской армии в прифронтовых городах. С 1921 – 1922 гг. обязательным компонентом праздников стали вечера воспоминаний, особенно в связи с 5-летним юбилеем прихода большевиков к власти.

Многое свидетельствует в пользу предположения, что праздник играл роль символического восстановления порядка и был одной из форм реорганизации культурных ориентиров в пространстве и времени. Эта сфера социальной деятельности была одной из немногих, где население удивительно дружно сотрудничало с политическими режимами различной окраски.

Удивляться активности и щедрости “праздничной” политики со стороны каждой новой власти в годы революционных потрясений не приходится. Революция разом лишила страну прошлого, превратив его в “предысторию” “великих” событий. В ситуации утраты надежных ориентиров потребность в создании новых культурных мифов и обосновании нового политического порядка становилась как никогда актуальной. Между

⁵⁶¹ ГАКО. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 47. Л. 33.

⁵⁶² Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 17 апр.

тем именно праздник является эпицентром “закладки” и поддержания культурной памяти⁵⁶³.

О важности церемониальной коммуникации для обоснования власти, о ее нормативном характере свидетельствует точное регламентирование праздников. О месте, времени и порядке их проведения детально и заблаговременно сообщалось на первых полосах официальных газет.

Новые торжества при всех режимах, вне зависимости от их политических пристрастий, были не только серьезны, но и проникнуты минорными интонациями. Этому способствовали сопровождение праздника символами траура и обязательное посещение кладбищ. Превращение праздничных дней в дни скорби обнажает их глубинное назначение – конструирование культурной памяти. Порвав с прошлым, которое рисовалось мрачным и полным страданий, новая власть создавала новый культ предков. Население должно было идентифицировать себя не с прежними поколениями лояльных подданных российской короны, а с бунтарями – жертвами старого порядка и антибольшевистских режимов, или героями, павшими в боях с “немецко-большевистской” властью.

Гораздо больше вопросов возникает в связи с “триумфальным шествием” праздников в революционной России, что было бы невозможно без активного интереса населения к церемониальному действию. И сторонники, и противники большевизма отмечали, популярность новых праздников, возвещая либо о росте “социалистической сознательности”, либо о “рождении нового гражданина”. Ввиду превращения празднеств в события общественного звучания и на “красных”, и на “белых” территориях трудно разделить наивный оптимизм этих интерпретаций. Явно недостаточным было бы также сводить мотивы массового участия населения в праздниках к страху не продемонстрировать лояльность к новой власти: в экстремальных условиях революции ее современники достаточно быстро выработали бесчисленные способы уклонения от распоряжений властей.

Чем же, в таком случае, можно объяснить странную и иррациональную, на первый взгляд, склонность людей к праздничным мероприятиям в обстановке, когда единственная жизненная задача, поглощавшая всю энергию, сводилась к тому, чтобы выжить? Думается, что этот видимый парадокс является мнимым и популярность праздника в значительной степени определялась бытовой неустроенностью. Возможно предположить как минимум двоякую связь между расцветом праздничных церемоний и разрушением быта. Во-первых, люди нуждались в отдохновении от безликих, изматывающих, бессмысленных будней, в смене беспцветных декораций на более яркие. Праздник вносил в хаос “разрухи” упорядоченность и смысл, даруя ответы на вопросы “Кто мы?”, “Откуда мы идем?”, “Каково наше предназначение?”

Во-вторых, по мере деградации материальных условий существования исчезала альтернатива публичному, коллективному проведению досуга. Частная жизнь в антураже бытового запустения становилась менее привлекательной, чем участие в коллективных церемониях, позволявших отвлечься от горьких забот, а зимой, когда праздники переносились в закрытые помещения, и просто согреться. Тем самым создавались благоприятные исходные условия для усвоения населением новых революционных мифов и формирования, таким образом, новой культурной памяти.

Двойную функцию реорганизации пространства и времени выполняло также создание новых мнемотопов – памятных мест. Ими становились кладбища, на которых по праздникам отдавалась дань памяти и уважения, а также новые памятники и здания, связанные с революционными событиями. Символы прошлого, а также памятные места, организованные политическими противниками, при этом безжалостно уничтожались.

⁵⁶³ Подробнее о значении праздника для функционирования культурной памяти см.: J. Assmann. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1999. S. 50 - 59.

Создание нового культурного пространства осуществлялось и за счет многочисленных переименований. Вместо имевшихся в каждом городе дореволюционной России Владимирских, Никольских и Спасских улиц возникли улицы Советские, Коммуны, Троцкого. Так, 21 февраля 1920 г. жители Челябинска проснулись в городе с новым культурным ландшафтом: накануне горуездный исполнительный комитет Совета принял решение переименовать 30 улиц, которым присвоили имена активных участников Октябрьской революции и гражданской войны⁵⁶⁴.

Из состояния катастрофической “разрухи”, дезориентации и потерянности жители Советской России выходили, лепя заново собственное прошлое, перекраивая культурный ландшафт и придавая новый смысл среде своего обитания.

Таким образом, реорганизация пространства в русской революции оказалась радикальной и тотальной, перекроившей не только внешние социальные условия существования, но и внутренний мир толкования и поведения, мир жизни (*Lebenswelt* в терминологии Э. Гуссерля, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана) современников. Многое свидетельствует о том, что на вопрос, было ли это результатом целенаправленных и централизованных, в рамках каждого из конкурировавших политических режимов, действий, или плодом децентрализованного стихийного процесса “снизу” с неожиданными последствиями, однозначного ответа нет и не может быть. На уровне интенций и поощрений населения к активности определенного рода можно констатировать некую целостность и преемственность государственных усилий, однако возможностей реализовать их, по крайней мере до выхода из военно-революционных катаклизмов, у новых государственных элит не было. Практика преобразований пространства в российской революции, как показывает уральский пример, неизбежно приобретала черты хаотичных импровизаций, за которыми скрывались частные и, как правило, отличные от государственных интересов мотивы выживания самого населения.

Ю.Ю. Пажит
Екатеринбург

БЕСПРИЗОРНОСТЬ, БЕЗНАДЗОРНОСТЬ И ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

За всю свою многовековую историю Россия знала различные места отбывания наказания. В то же время, следует отметить, что на протяжении довольно длительного исторического периода в стране отсутствовали не только правовые нормы, но и специальные исправительные учреждения для содержания подростков правонарушителей.

Одним из первых источников, который упоминает несовершеннолетних в качестве субъекта ответственности и наказания, является Артикул Воинский 1715 г., из которого следует, что «Наказание воровства обыкновенно умалется, или весьма оставляется; ежели... вор будет младенец...». Однако законодатель не конкретизировал ни возраста, с которого начиналась уголовная ответственность подростка, ни наказания, которому он мог быть подвергнут. Лишь в 1909 г. Положением о воспитательных исправительных заведениях для несовершеннолетних была подведена правовая основа под действовавшие в стране и разнообразные по своему предназначению и выполняемым функциям соответствующие места отбывания наказания. К началу XX в. в России существовали такие заведения для несовершеннолетних правонарушителей, как ремесленные приюты, земельные колонии, трудовые колонии и приюты-корабли. На Урале первые колонии появились еще в XVIII в. и несли воспитательную функцию. Как правило, их образование находилась в ведении местных властей.

⁵⁶⁴ См.: Е. А. Калинкина. Новые названия улиц // Исторические чтения: Материалы научной конференции: История Челябинска: проблемы источниковедения и историографии. (Вып.) 4. Челябинск, 1997. С. 109 – 111.